

№ 1. LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE № 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

ВЫХОДИТЪ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЖЕНЕВА

Издательство группы „Освѣта“

rue de la Corniche, 6

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
ОТЪ РЕДАКЦІИ	1
КАКЪ ДОБИВАТЬСЯ КОНСТИТУЦІИ? Смпли- циссимуса	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ. Статья I (Г. И. Успенскій). Г. Плеханова	28
ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ И БУЛАНЖИЗМЪ. Поля Лафарга	100
НЕИЗБѢЖНЫЙ ПОВОРОТЪ. Г. Плехановъ	106
МИНИСТРЪ-ДЕМАГОГЪ. Ю. Е.	118
РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Изъ писемъ въ Редакцію)	124
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ ШЕСТИ- ДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ И ТЕПЕРЬ. П. Аксельрода	132
БИБЛИОГРАФІЯ	189
НЕКРОЛОГЪ	219
ОПЕЧАТКИ	223
СПИСОКЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	223
—	
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МУЖИЧЬЕГО ОБЩЕСТВА РАБОЧИХЪ ВЪ СѢВЕРНО-ЗАПАДНОМЪ РАЙОНѢ. (Гла- вы I—III). В. И. Сулицъ	I—XXXII

КАКЪ ДОБИВАТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ ?

(Разговоръ конституціоналиста съ социаль-демократомъ)

Конституціоналистъ. — Вы извините меня, но я не могу согласиться съ вашимъ взглядомъ. Допустимъ, что онъ основательнѣе, чѣмъ взгляды нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. Я не хочу спорить противъ этого. Но и вы повторяете ту же ошибку, и вы начинаете съ конца, между тѣмъ какъ, право же, не мѣшало бы попробовать начать съ начала. Я совсѣмъ не врагъ социализма, но теперь у насъ на очереди не социальный, а политическій вопросъ. Повалите абсолютизмъ, добейтесь политической свободы, а потомъ уже и говорите о социализмѣ. Тогда это будетъ вполнѣ своевременно, а потому и не напрасно ; теперь же вы только даромъ тратите дорогія силы.

Социаль-демократъ. — Но что же мы должны дѣлать, по вашему мнѣнію, для того, чтобы добиться политической свободы ?

К. — Перестать быть отщепенцами, сектантами, постараться увлечь за собой все общество, показать ему, что вы вовсе не такіе свирѣпые *partageux*, какими оно привыкло воображать васъ, что вы, въ сущности, хотите того же, чего хочетъ оно само, чего хотятъ всѣ образованные и честные люди въ Россіи, т. е. правъ чело-вѣка и гражданина. Тогда, повѣрьте, вашъ успѣхъ будетъ обезпеченъ. Недовольство современнымъ порядкомъ распространено у насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ

думаете, и знаете-ли, что я вамъ скажу? Теперь мы сочувствуемъ конституціи не такъ, какъ сочувствовали ей въ прошлое царствованіе. Тогда мы все ждали, что вотъ-вотъ Александръ II приступитъ къ „увѣнчанію зданія“, что вотъ не сегодня-завтра онъ подаритъ намъ конституцію. Александръ III показалъ, какъ неосновательны и шатки всѣ подобныя надежды на царскую милость. Теперь мы готовы бороться за конституцію, между тѣмъ какъ тогда мы старались заслужить её добродетельнымъ поведеніемъ. Дѣло, какъ видите, измѣнилось, и измѣнилось въ пользу революціонеровъ. Не упускайте же благоприятнаго случая, оставьте на время социализмъ и принимайтесь за политическую агитацію.

С. — Я долженъ замѣтить вамъ, что не понимаю вашего противоположенія социализма политической агитаціи. Социализмъ немислимъ безъ такой агитаціи. Посмотрите на западно-европейскія рабочія партіи, развѣ онѣ равнодушны къ политической свободѣ? Напротивъ, политическая свобода имѣетъ въ рабочихъ самыхъ искреннихъ и самыхъ надежныхъ защитниковъ. Такъ же относятся къ политической свободѣ и русскіе социалисты. Было, правда, время, когда они считали её буржуазною выдумкой, способной лишь сбить рабочихъ съ толку и завести ихъ на ложный путь. Но это отошло въ область преданія. Въ настоящее время всѣ мы понимаемъ огромное значеніе политической свободы для успѣховъ социалистическаго движенія и готовы добиваться ея всѣми зависящими отъ насъ средствами. Между нами много всякихъ разногласій и несогласій, но ищите хоть съ діогеновскимъ фонаремъ, и вы все-таки не найдете въ нашей средѣ такого чудака, который вздумалъ бы говорить противъ политической свободы.

К. — Ну и прекрасно, значитъ, мы согласны: вы социалисты и въ тоже время сторонники политической свободы, а прежде всего сторонники политической свободы, но въ тоже время я совсѣмъ не врагъ социализма. Что же мѣшаетъ намъ столковаться и стать подъ одно знамя?

С. Многие, и главнымъ образомъ ваше отношеніе къ

социализму. Вы не врагъ социализма, но вы думаете, что тѣ, которые толкуютъ о немъ въ настоящее время, начинаютъ дѣло съ конца. Вы совѣтуете намъ въ время забыть о немъ и, такъ сказать, прикомандироваться къ либераламъ. Мы смотримъ на дѣло совсѣмъ иначе, мы думаемъ, что, если бы наши либералы дѣйствительно хотѣли бороться за политическую свободу, то они, въ концѣ концовъ, не могли бы придумать ничего лучшаго, какъ пристать къ социалистамъ.

К. Это нѣсколько неясно, но все равно, я все таки достаточно понялъ васъ, чтобы видѣть, какъ несбыточно ваше желаніе.

С. Вы сами понимаете, значитъ, что полное согласіе между нами и либералами невозможно. Вы не предвидите конца нашимъ спорамъ, и потому говорите намъ, какъ нянька поссорившимся дѣтямъ: ну пусть уступитъ тотъ, кто умнѣе, я надѣюсь, что социалисты будутъ умнѣе и уступятъ прежде, чѣмъ либералы.

К. — Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно. Наши либералы въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не принципиальные враги социализма, и уже вовсе не враги рабочихъ и вообще народа. Они готовы отстаивать цѣлый рядъ самыхъ важныхъ экономическихъ реформъ, но социалистическіе идеалы кажутся имъ неосуществимыми. Поэтому, пристава къ социалистамъ, они по необходимости должны были бы лгать и лицедрить. Вы же, примыкая къ нимъ, несколько не измѣнили бы своихъ воззрѣній, вы только выдвигали бы на первый взглядъ одну часть вашей программы, именно ту часть, которая заключаетъ въ себѣ ваши политическія требованія. Будьте же справедливы, и согласитесь, что уступить должны именно вы, а не либералы.

С. — Хорошо, допустимъ, что вы убѣдили насъ. Предположимъ, что всѣ наши социалисты пришли къ тому, что вы считаете первымъ признакомъ политической зрѣлости, т. е. къ сознанию необходимости умѣрить свои требованія. Предположимъ, что всѣ они рѣшились бороться за политическую свободу и только за политическую свободу. Предположимъ также, что наше общество поняло и

опѣнило ихъ умѣренность; что же вышло бы изъ всего этого?

К. — Единодушіе въ борьбѣ, безъ котораго немислима побѣда. Еслибы всѣ сторонники свободы дѣйствительно сдумѣли соединиться подѣ однимъ знаменемъ, то они составили бы непреодолимую силу. Два правительства Александра III были бы сочтены, и ему оставалось бы лишь заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ узнать близкій часъ своей гибели, какъ выразился когда-то Лассаль о прусскомъ правительствѣ.

С. — Прекрасно. Предположите же теперь, что ваша мечта осуществилась, что исчезла пропасть, отдѣлявшая общество отъ революціонеровъ. Революціонеры примкнули къ обществу, общество прониклось революціоннымъ духомъ. Началось широкое политическое движеніе, поддерживаемое нашей легальной печатью. Правительство запрещаетъ либеральные органы, общество отвѣчаетъ на это манифестаціями, въ которыхъ выражаетъ свое сочувствіе пострадавшимъ газетамъ и журналамъ. Въ то же самое время правительству со всѣхъ сторонъ предъявляютъ петиціи, въ которыхъ съ поразительной ясностью доказывается, что земли наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока царь останется полновластнымъ хозяиномъ Россіи. Окружающіе царя самодуры совѣтуютъ ему употребить въ дѣло „мѣры кротости и увѣщанія“, подѣ которыми понимаются, какъ извѣстно, кулаки дворниковъ, полицейскія шапки и казацкія нагайки. Но подобныя мѣры только усиливаютъ всеобщее раздраженіе. Терпѣніе русскихъ людей приходитъ къ концу; еще нѣсколько капель, и чаша будетъ переполнена; еще нѣсколько реакціонныхъ безтактностей, и дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія. Испуганное правительство соглашается на уступки, созывается земскій соборъ, выработывается конституція; русскій обыватель становится гражданиномъ, и въ нашей исторіи начинается новая эпоха... Хорошо было бы пожить въ такое время! И если бы мы могли хоть немного приблизить его своимъ превращеніемъ въ либераловъ, то колебаться было бы нелѣзно и преступно. Мы не толь-

ко могли бы съ спокойной совѣстью, но мы *обязаны* были бы забыть обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ словъ: *политическая свобода*. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о социализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своимъ доктринерствомъ они задерживали бы его политическое развитіе. Иѣда лишь въ томъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе; превратившись въ либераловъ, социалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи.

К. — Это какимъ же образомъ?

С. — Очень просто. Когда въ нашемъ воображеніи рисовалась картина борьбы русскаго общества съ абсолютизмомъ, мы предположили, что правительство *вынуждено* было къ уступкамъ. Теперь я спрашиваю васъ, насколько вѣроятно такое предположеніе? Иначе сказать, насколько велики шансы побѣды общества надъ правительствомъ? Что понимается обыкновенно подѣ словомъ — общество? Принадлежитъ-ли къ нему крестьянинъ, рабочій, мелкій городской мѣщанинъ и т. п.? Конечно, нѣтъ, не принадлежитъ. Мало того, не всякій крупный торговецъ, не всякій промышленникъ и землевладѣлецъ принадлежитъ къ такъ называемому обществу. Къ нему, конечно, не можетъ быть причисляемъ щедринскій Разуваевъ. Какіе же люди принадлежатъ къ нему? Во первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во вторыхъ,—люди, обладающіе хоть какою нибудь долей образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много-ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство однѣми только своими силами? Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ Іюль 1830 года, общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи-Филиппа, рабочій классъ или буржуазія? Извѣстно, что когда, въ каждомъ изъ названныхъ случаевъ, дѣло доходило до открытой борьбы, то либеральное парижское „общество“ не знало, куда дѣваться отъ страху. Не говоря уже о томъ, что огнестрѣльная музыка крайне неприятно дѣйствовала на его нервы, оно боялось по-

бѣды правительства и связанныхъ съ нею репрессалій, боялось и побѣды рабочихъ, потому что опасалось, какъ бы волна рабочаго движенія не унесла вмѣстѣ съ правительствомъ и самого общества. Луи--Бланъ разсказываетъ, что когда начался уличный бой въ Февралѣ 48 года, то перепуганный Тьеръ прибѣжалъ въ палату депутатовъ и, воскликнувъ: „la marée monte, monte, messieurs“, немедленно скрылся. Только послѣ окончательнаго пораженія правительства, и убѣдившись въ мирныхъ намѣреніяхъ рабочихъ, представители „общества“ выходили изъ своихъ убѣжищъ и принимались организовать новый порядокъ. Изъ всѣхъсловесъ, составляющихъ такъ называемое общество, или находящихся въ близкой родственной связи съ нимъ, только студенчество да такъ называемая богема (то же, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силой правительства. Только они умѣли сражаться на баррикадахъ, но и они несомнѣнно были бы усмиряемы безъ малѣйшаго труда, еслибы за ними не шла рабочая масса. То же самое мы видимъ и въ Германіи. Всѣ революціонныя попытки нѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемаго общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество безсильно безъ поддержки народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа, т. е. *рабочихъ*. И въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что петербургское „общество“, проникшись революціоннымъ духомъ, строятъ баррикады, между тѣмъ какъ рабочій классъ остается въ сторонѣ отъ этого движенія. Одной полиціи, однихъ дворниковъ было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей „общества“ и разсадить ихъ по участкамъ. Отсюда неизбежно слѣдуетъ такой выводъ: *для того, чтобы добиться конституціи, мы должны вовлечь рабочій классъ въ борьбу противъ абсолютизма, возбудить въ немъ симпатіи къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Другого пути у насъ нѣтъ и быть не можетъ.* Я знаю, конечно, что сами либералы никогда не сдѣлаются пропагандистами, и не виню ихъ за это. Но, съ другой стороны, изъ всего сказаннаго ясно, что

приглашая социалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ, или ея совсѣмъ не будетъ.

К. — Въ томъ, что вы сказали, много справедливаго, но мнѣ кажется, что вы забываете многія особенности положенія дѣлъ въ Россіи.

С. — Какія же именно?

К. — Во первыхъ, если парижское общество 1830 и 1848 г. боялось, какъ вы сказали, побѣды народа, то это происходило потому, что оно было уже насквозь проникнуто буржуазнымъ духомъ. Наше общество не таково, оно не боится народа, потому что совершенно искренно отстаиваетъ его интересы...

С. — Ну, съ нашимъ либерализмомъ дѣло обстоитъ на этотъ счетъ далеко не такъ благополучно, какъ вамъ кажется. Я безъ труда могъ бы доказать вамъ, что не только русскій либерализмъ, но даже и такъ называемый русскій социализмъ въ сущности стоитъ въ противорѣчьи съ интересами рабочаго класса, по той простой причинѣ, что онъ выражаетъ собой интересы нашей мелкой, (конечно не кулацкой,) буржуазіи. И это противорѣчіе, скрытое теперь въ туманѣ неопредѣленныхъ представленій объ истинѣ, справедливости и народномъ счастьи, рано или поздно дастъ себя почувствовать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Кое-какіе признаки такого положенія дѣлъ можно подмѣтить уже и въ настоящее время. Какъ вы думаете, почему „Самоуправленіе“, называющее себя органомъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, считаетъ „путь народной революціи едва-ли пригоднымъ“? Почему оно ставитъ „городскую революцію“ на одну доску съ революціей „дворцовой“, и думаетъ, что городская революція можетъ, какъ и дворцовая, „привести къ нежелательнымъ результатамъ“, къ замѣнѣ „одной деспотіи другою“? Дѣло объясняется очень просто. „Самоуправленіе“ знаетъ, что городская революція означала бы побѣду городского рабочаго населенія, и оно боится этой по-

бѣды, такъ же, какъ боялось и боится ея парижское „общество“. Но какіе же социалисты могутъ бояться побѣды рабочаго класса? Ясно, что только мелко-буржуазные социалисты, принципиальные враги освободительнаго движенія пролетаріата. Вотъ вамъ и пресловутый „русскій социализмъ“! Но не будемъ уклоняться отъ главнаго предмета нашего спора, положимъ, что я ошибочно смотрю на русскихъ социалистовъ и либераловъ, что же дальше? Слѣдуетъ-ли изъ сказаннаго вами, что наше „общество“, будто бы столь сочувствующее интересамъ рабочихъ, можетъ обойтись безъ поддержки этихъ послѣднихъ?

К. — Я, конечно, сказалъ бы — *нѣтъ*, если бы думалъ, что конституціонное движеніе въ Россіи пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ оно шло на Западѣ. Но дѣло въ томъ, что у насъ конституціонная борьба навѣрное не дойдетъ до баррикаднаго боя на улицахъ. Правительство уступить раньше подъ напоромъ общественнаго мнѣнія.

С. — Опять русская самобытность, на этотъ разъ подъ конституціоннымъ соусомъ! Когда-то русскіе социалисты-народники думали, что социалистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь я слышу отъ васъ, что Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добивались ея западно-европейскія государства. Кажется, русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы вамъ, если бы за вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость съ его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англію, пользующуюся репутаціей страны мирнаго прогресса. Прослѣдите хоть исторію либеральной лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, и вы увидите, какъ хорошо сознавала добывавшаяся мирной уступки англійская буржуазія необходимость заручиться помощью рабочаго класса, какъ настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочихъ. Если Ричардъ Кобденъ грозилъ англійскимъ лордамъ разрушеніемъ ихъ замковъ, то само собою по-

нятно, что не на буржуазію рассчитывалъ онъ въ дѣлѣ такого разрушенія. И Кобденъ, и Брайтъ, и всѣ ихъ товарищи прекрасно знали, что добиться отъ парламента уступокъ они могутъ лишь съ помощью давленія извнѣ, „pressure from without“, и что для этого давленія необходимы сильныя руки рабочихъ. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда англійское правительство уступало напору общественнаго мнѣнія. Исторія Англіи болѣе, чѣмъ исторія какой бы то ни было другой страны, подтверждаетъ справедливость стараго правила: если хочешь мира, готовься къ войнѣ. Вы же поступаете какъ разъ обратно этому правилу. Вы проповѣдуете крестовый походъ противъ правительства, вы приглашаете социалистовъ на борьбу съ нимъ, и въ то же время сами видите, что вы можете побѣдить только въ случаѣ его особеннаго миролюбія. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно зная, что у васъ нѣтъ силъ, для рѣшительной битвы! Знаете-ли, что напоминаетъ мнѣ такая оригинальная агитація? Чтобы устрашить непріятели, китайцы рисуютъ на своихъ щитахъ драконовъ и разныхъ другихъ чудовищъ. Они хорошо знаютъ, что эти чудовища не нанесутъ дѣйствительнаго вреда непріятелю, но они надѣются, что непріятель, можетъ быть, испугается и уступить имъ поле битвы. А если непріятель не пугается, если онъ не уступаетъ этого поля? Тогда сынамъ Небесной Имперіи оставалось бы уповать на быстроту своихъ ногъ, если бы они отличались свойственнымъ вамъ простодушіемъ. Но они хитре васъ. и на всякій случай все-таки запасаются оружіемъ.

К. — Напрасно вы пронизируете и напрасно безпокоитесь. Трудъ нанести послѣдній ударъ нашему правительству возьмутъ на себя не петербургскіе рабочіе, и, конечно, не вооруженное общество. Объ этомъ позаботятся заграничные капиталисты. Извѣстно, что наши финансы находятся при послѣднемъ издыханіи. Одного этого обстоятельства можетъ быть достаточно, чтобы сломить упорство царя. Обанкротившійся деспотъ уступчивъ поневолѣ. А такъ какъ, кромѣ того, Александръ III далеко не осмотрителенъ во внѣшней политикѣ, то вѣроятность его банкротства еще болѣе воз-

растаетъ. Если севастопольское поражение вынудило правительство освободить крестьянъ, то новый военный погромъ, навѣрное, заставитъ его дать конституцію.

С. — Словомъ, вы надѣетесь, что конституцію принесутъ вамъ на своихъ штыкахъ прусскіе и австрійскіе солдаты? Вообще говоря, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вопросъ только въ томъ, какова будетъ эта конституція? Вы помните, конечно, что финансовыя и международныя затрудненія вынудили когда-то турецкаго султана подарить своимъ подданнымъ конституцію. Но что вышло изъ этой комедіи? Ровно ничего. Дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ просто позабыли о ней, и граждане и правительство. Хотите-ли вы турецкой конституціи? Возлагайте свои упованія на силу вещей, на международныя и финансовыя затрудненія. Хотите конституціи настоящей — вербуйте настоящую армию для борьбы съ абсолютизмомъ.

К. — Но позвольте, французская пословица справедливо говоритъ, что *comparaison n'est pas raison*. Это въ особенности вѣрно въ томъ случаѣ, когда сравниваются вещи совершенно несравнимыя и несоизмѣримыя; Россія не Турція. Если турецкая конституція отцвѣла не успѣвши расцвѣсть, то отсюда еще не слѣдуетъ, что такая же судьба предстоитъ и русской конституціи. Пусть только разъ соберутся представители русской земли и тогда возстановленіе абсолютизма будетъ также невозможно, какъ невозможно теперь возстановленіе крѣпостнаго права.

С. — Вы, въ свою очередь, забываете, что *comparaison n'est pas raison*. Изъ всѣхъ реформъ прошлаго царствования освобожденіе крестьянъ есть дѣйствительно самая прочная, или лучше сказать, единственная прочная реформа. У крестьянъ нельзя уже взять назадъ ихъ гражданскую полусвободу, между тѣмъ какъ наше современное правительство безъ труда можетъ уничтожить все, сдѣланное Александромъ II во всѣхъ другихъ сферахъ нашей внутренней жизни. Чѣмъ объяснить такое различіе? Тѣмъ, что народъ былъ непосредственно заинтересованъ въ уничтоженіи крѣпостнаго права, между тѣмъ какъ всѣ другія реформы имѣли лишь косвенное, а иногда весьма сомнительное для него

отношеніе къ его благосостоянію. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія ежегодно возрастало число крестьянскихъ бунтовъ, такъ что Александръ II долженъ былъ сказать себѣ: „освободимъ крестьянъ сверху, чтобы они не освободили себя снизу.“ Создайте подобное же движеніе въ народѣ въ пользу конституціи, заставьте Александра III дать вамъ политическую свободу въ силу того же соображенія, которое заставило Александра II освободить крестьянъ, — и тогда сравнительно конституціонный вопросъ съ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, тогда ваше сравненіе будетъ умѣстно и убѣдительно. Но пока за вами не будетъ народной массы, до тѣхъ поръ всѣ подобныя сравненія будутъ лишь отбѣивать ваше собственное безсиліе. Противъ возстановленія крѣпостнаго права поднялся бы весь народъ, какъ одинъ человѣкъ. Но если вамъ не удастся развить стремленіе къ политической свободѣ по крайней мѣрѣ въ наиболѣе передовой части народа, т. е. въ промышленныхъ рабочихъ, то съ русской конституціей дѣло будетъ обстоитъ иначе. Оно можетъ принять такой оборотъ. Правительство дастъ Земскому Собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: „Пожалуйте вонъ, господу депутаты, будетъ вамъ проклажаться, мы не допускаемъ, чтобы, напримѣръ, шумъ.“ Изгнавши, такимъ образомъ, „представителей русской земли“ изъ зданія парламента, тотъ же будочникъ вывѣситъ на немъ объявленіе: „Сіе зданіе отдается въ наемъ,“ какъ написалъ когда-то Кромвель на англійскомъ парламентѣ. Что сдѣлаютъ тогда „представители русской земли“? Найдутъ ли они залу *jeu de romme* и принесутъ клятву не расходиться пока не обезпечатъ своей странѣ политической свободы? Но вѣдь будочникъ Мымрецовъ послѣдуетъ за ними и въ эту залу и, раздраженный ихъ упорствомъ, онъ примется водворять господъ депутатовъ въ „кутузку“. Кто можетъ помѣшать такой расправѣ? Не правда ли городскіе рабочіе и только рабочіе? Если на защиту собравшихся въ Петербургѣ или въ Москвѣ „представителей русской земли“ двинется многочисленное рабо-

чее населеніе столичныхъ предмѣстій, то исходъ подобныхъ реакціонныхъ попытокъ правительства станетъ по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Заручайтесь же симпатіей этихъ предмѣстій теперь, потому что взывать къ нимъ въ то время, когда вашъ „швороть“ очутится въ рукахъ Мымрецова, будетъ уже поздно.

К. — Все это, конечно, справедливо, но въ то же время крайне односторонне, при всей своей справедливости. Изъ всего сказаннаго вами слѣдуетъ только одно, а именно, что трудно и представить, пока, наступленіе такого времени, когда дѣлу свободы на Руси перестанутъ угрожать опасности. Это мы должны знать и помнить. Но отсюда до вашей программы еще очень далеко. Я буду говорить прямо. Принявъ вашу программу, наши революціонеры не устранили бы грозящихъ свободѣ опасностей; они просто забыли бы о нихъ, какъ и о самой свободѣ; они отдались бы дѣлу, единственное преимущество котораго заключается въ томъ, что оно не противорѣчитъ нѣкоей маленькой доктринѣ, которая сама противорѣчитъ всему складу русской жизни. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ промышленныхъ рабочихъ? Велико-ли населеніе нашихъ городовъ? Вѣдь это капля въ морѣ, она сама по себѣ ничтожна, но у васъ нѣтъ возможности повліять даже на эту каплю въ ея цѣломъ. Вы можете придти въ соприкосновеніе съ безконечно-малой частью капли, съ одной только молекулой, и вы воображаете, что наэлектризовавши эту молекулу, вы взволнуете океанъ, вызовете цѣлую бурю на морѣ? Что можетъ быть фантастичнѣ такой программы?

С. — Вы начинаете сердиться, а это уже не хорошо. Если, по нѣмецкой поговоркѣ, „гнѣвъ дѣлаетъ по-этовъ“, то серьезнаго политика скорѣе способно выработать спокойное, хладнокровное разсужденіе. Посмотрите, въ своемъ гнѣвѣ вы уже зашли гораздо дальше, предполагаемой вами цѣли. Вашъ доводъ обращается противъ васъ самихъ. Австраійскіе негры такъ умѣютъ кидать свои бумеранги, что тѣ, описавъ въ воздухѣ кривую линію, падаютъ къ ихъ ногамъ. Съ вашимъ доводомъ случилось нѣчто подобное, съ тою только раз-

ницею, что въ своемъ возвратномъ движеніи онъ сбилъ васъ съ ногъ. Если я вѣрно понялъ смыслъ вашей филиппики, то она сводится къ слѣдующему: программа социаль-демократовъ фантастична, потому что противорѣчитъ экономическимъ условіямъ Россіи. Въ исключительнo-земледѣльческой, крестьянской странѣ она хочетъ создать такую политическую партію, существованіе которой возможно лишь въ промышленно-развитыхъ странахъ. Вы указываете на это несоотвѣтствіе, хорошо понимая, повидимому, что политическая жизнь данной страны находится въ тѣсной зависимости отъ ея экономическаго строя. Мнѣ-ли, марксисту, возставать противъ справедливости такого взгляда? Я подписываюсь подъ нимъ обѣими руками. Но я прошу васъ взглянуть съ этой же точки зрѣнія на наши собственные политическіе планы. Я спрашиваю васъ, возможно-ли само конституціонное движеніе въ такой экономически-патріархальной странѣ, какую вы считаете Россію? Возражая противъ насъ, всѣ вы ссылаетесь на русскаго мужика; мужикъ является въ вашемъ представленіи не сокрушимой плотиной, о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Допустимъ на минуту, что вы правы, что эта плотина дѣйствительно такъ прочна, какъ вы воображаете. Тогда наше дѣло становится безнадежнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дѣла. Если русскій крестьянинъ не способенъ увлечься социаль-демократической программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаніемъ прелестей политической свободы. Всегда и вездѣ, какъ только начиналось образованіе большихъ государствъ, земледѣльскія общины съ ихъ патріархальнымъ бытомъ служили самой прочной основой деспотизма. Только съ разложеніемъ этого патріархальнаго быта и съ развитіемъ городского населенія являлись силы, способныя положить предѣлъ неограниченной власти монарха. Россія не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Ея московскіе и петербургскіе самодержцы были естественнымъ дополненіемъ ея экономическаго строя, который характеризовался полнымъ преобладаніемъ деревни надъ горо-

домъ. Конечно, будучи поставлена въ условія европейскаго равновѣсія, Россія обязана была, подъ страхомъ потери всякаго политическаго значенія, усвоить себѣ хоть нѣкоторую долю европейскаго образованія. Она нуждалась въ образованныхъ офицерахъ и чиновникахъ. Неудивительно, что съ проникновеніемъ въ неѣ европейскаго образованія въ ней появлялись люди, усвоившіе политическіе взгляды европейцевъ и сознавшіе все безобразіе русскаго царизма. Но эти люди не могли играть серьезной политической роли. Они были людьми очень образованными, очень гуманными, очень либеральными, но въ тоже время и прежде всего, они были *лихими людьми* въ полномъ смыслѣ этого слова, людьми, весь умственный и нравственный *habitus* которыхъ стоялъ въ полномъ противорѣчій съ русскою дѣйствительностью. Имъ оставалось — или впадать въ пессимизмъ Чаадаева, или затрачивать свои „демоническія силы“ на побѣды надъ столичными и провинціальными барышнями, или умирать на парижскихъ баррикадахъ, или, наконецъ, „пить горькую“ у себя дома. Вы прекрасно знаете, что въ прежнее время такіе лишніе люди въ изобиліи существовали на Руси. Теперь говорить, что этотъ типъ отжилъ свой вѣкъ. Мы охотно вѣримъ этому, но вѣримъ потому, что нашъ старый порядокъ разложился, деревня утратила свое преобладаніе надъ городомъ, у насъ явилась буржуазія и рабочій классъ. Это подтверждается всѣми изслѣдованіями русскаго народнаго хозяйства. Абсолютизмъ приходитъ въ противорѣчье съ нашею экономическою дѣйствительностью. Теперь его противники уже не лишніе люди, потому что они могутъ бороться противъ него съ надеждой на побѣду. Одинъ нѣмецкій писатель замѣтилъ, что славянскіе народы представляютъ собою нѣчто среднее между европейскими и азіатскими народами. Это совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Россіи. Она, дѣйствительно, только отчасти, только теперь становится европейскою страной, и становится ею лишь постольку, поскольку исторія *отрицаетъ* старыя основы ея экономическаго быта. Только по мѣрѣ этого отрицанія Россія входитъ въ культурное родство съ Европой, выступаетъ на путь европейскаго образованія въ лицѣ

значительной части своего трудящагося населенія, а не бессильной только горсти своей „интеллигенціи“, какъ это было прежде. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія русскій конституціонализмъ пріобрѣтаетъ смыслъ и оправданіе. Но если это такъ, то еще болѣе большой смыслъ получаетъ русское социаль-демократическое движеніе. Между тѣмъ всѣ тѣ, которые раздѣляютъ вашъ взглядъ на экономическое положеніе Россіи, должны признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители, которые на всѣ голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа. И вы называете насъ фантазерами? Но если мы фантазеры, если мы, по вашему выраженію, оперируя надъ каплями и молекулами, хотимъ вызвать бурю на морѣ, то вы просто социальныя чудотворцы, потому что ваше ожиданіе „хоть какой нибудь конституціи“, ваше политическое *ничто* основывается на голомъ экономическомъ *ничто*. Вы приписываете себѣ такую силу, какую философы не всегда рѣшались приписывать даже божеству, такъ какъ они думали, что творческая дѣятельность божественнаго Деміурга заранѣе предполагаетъ существованіе матеріи.

К. — Но позвольте. Я не намѣренъ входить съ вами въ экономическіе и философско-историческіе споры. Я допускаю, что нашъ экономическій бытъ не таковъ, какимъ изображаютъ его наши народники. Можетъ быть, наши рабочіе дѣйствительно способны сыграть большую роль въ нашемъ освободительномъ движеніи. Но какъ подойти къ рабочему? Вы пугаете насъ будничкомъ Мырцовымъ, но пока-то онъ еще соберется взять насъ за шиворотъ, вашъ собственный шиворотъ уже зажатъ въ его грубомъ кулакѣ. Разгонять парламентъ Мырцову придется, можетъ быть, въ будущемъ, ловлей же пропагандистовъ онъ, къ сожалѣнію, съ большимъ усилѣхомъ занимается уже теперь. Мнѣ не разъ случалось бесѣдовать съ революціонерами, всѣ они единогласно говорятъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна по чисто-полицейскимъ причинамъ.

С. — Революціонеры говорятъ вамъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна? А пытались-ли вести её бесѣдовавшіе съ вами революціонеры? Если бы вы задали имъ такой вопросъ, то изъ 100 случаевъ въ 99 вамъ отвѣтили бы: „Нѣтъ, я самъ ее не велъ, но я слышалъ отъ одного вѣрнаго человѣка, который въ свою очередь слышалъ отъ одного не менѣе вѣрнаго человѣка, слышавшаго отъ самого вѣрнаго человѣка, что тому говорили, будто кто-то сказалъ, что пропаганда невозможна“. Повѣривъ другъ другу на слово, всѣ эти „вѣрные люди“ совершенно махнули рукой на рабочій классъ и теперь готовы идти куда угодно, лишь бы не въ рабочую среду, готовы подписываться подъ какими хотите „программами“, лишь бы эти программы не указывали имъ на необходимость пропаганды среди рабочихъ. Это, конечно, ихъ дѣло, но я головой ручаюсь вамъ за то, что увѣренность ихъ совершенно противорѣчитъ опыту нашего революціоннаго движенія. Пропаганда среди рабочихъ оставлена была въ концѣ 70-хъ годовъ не потому, что бы она была неудачна, — напротивъ, это время есть время расцвѣта нашего рабочаго движенія, — а потому что наши революціонеры увлеклись „терроромъ“ и все менѣе и менѣе отводили мѣста пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Наши тогдашніе революціонеры-террористы рассчитывали на свои собственные силы. Опытъ показалъ, что эти силы были недостаточны для побѣды надъ абсолютизмомъ. И вотъ теперь наши революціонеры ищутъ себѣ союзниковъ, но вмѣсто того чтобы искать ихъ въ рабочей средѣ, они обращаются къ такъ называемому обществу, причѣмъ идеализируютъ его такъ же, какъ идеализировали когда то „народъ“. Давно ли можно было слышать отъ нихъ, что нашъ крестьянинъ „прирожденный социалистъ“? Теперь то же „прирожденное“ свойство открыто и въ русскомъ обществѣ. Но подобныя выдумки не измѣняютъ дѣла. Если бы всѣ представители нашего общества дѣйствительно были природными и убѣжденными коммунистами, то и тогда, какъ я уже говорилъ вамъ раньше, они представляли бы собою не больше, какъ штабъ безъ арміи, и чтобы образовать армію, имъ все таки пришлось бы пропагандировать

среди рабочихъ. Напрасно вы думаете, что пропаганда невозможна при современныхъ условіяхъ. Трудно всякое дѣло, если только не хочется его дѣлать, легко всякое дѣло, за которое мы беремъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ его плодотворности и необходимости. Трудно было взорвать Зимній Дворецъ, а между тѣмъ начинили же динамитомъ одинъ изъ его подваловъ. Нѣкоторыя изъ трудностей пропаганды среди рабочихъ, свойственны ей въ такой же мѣрѣ, какъ и всякой другой революціонной пропагандѣ, все равно среди кого бы она ни велась. Такъ, напримѣръ, полиція съ одинаковой энергіей преслѣдуетъ тайныя типографіи, не спрашивая печатаются ли въ нихъ воззванія къ „обществу“ или къ рабочимъ. Одинаково же трудно, или если хотите, одинаково легко перевозить запрещенныя книги черезъ границу, независимо отъ того, предназначаются ли эти книги для „общества“ или для рабочихъ. Вы, конечно, скажете, что легче распространять такія книги въ обществѣ, чѣмъ въ народѣ вообще и въ рабочей средѣ въ частности. Но это не подтверждается опытомъ нашего движенія. Въ то время, когда у насъ еще велась пропаганда въ крестьянствѣ и между рабочими — въ огромномъ большинствѣ случаевъ поводомъ къ арестамъ служила не сама эта пропаганда, а тѣ неосторожности, которыя совершались пропагандистами при постороннихъ сношеніяхъ, т. е. при перепяскѣ, при заведеніи такъ называемыхъ конспиративныхъ квартиръ и т. п. Процентъ арестованныхъ на дѣль совсѣмъ ничтоженъ. Общество „Земля и Воля“ вело, напримѣръ, очень дѣятельную пропаганду между рабочими большихъ городовъ. За нѣсколько лѣтъ своего существованія это общество понесло очень большія потери, но едва ли хоть одну изъ нихъ можно отнести непосредственно насчетъ рабочей пропаганды. Можно сказать болѣе. Благодаря разумной организаціи этого дѣла, общество „Земля и Воля“ просто не знало, что такое потери на пропагандѣ среди рабочихъ. Наибольшей опасности подвергались тѣ изъ его членовъ, которые вращались въ „интеллигентной“ средѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ приходится вращаться теперь революціонерамъ, отрицающимъ возможность пропаганды среди рабочихъ. Я

не думаю, что указанная опасность уменьшится, если мы превратимся въ простых конституціоналистовъ. Молодымъ людямъ, принимавшимся за пропаганду въ 80-хъ годахъ, часто приходилось встрѣчать, правда, весьма, большія трудности, но эти трудности цѣлкомъ должны быть отнесены насчетъ ихъ практической неопытности и отсутствія строго выработанной организаціи. Эти два обстоятельства давали имъ чувствовать себя во всемъ: при заведеніи тайныхъ типографій, при террористическихъ попыткахъ и т. д. Мы никогда не приходило въ голову утверждать, что для пропаганды среди рабочихъ не нужно опытности; но вѣдь опытность дѣло наживное. Она пріобрѣтается практикой, и по мѣрѣ ея пріобрѣтенія уменьшаются тѣ трудности, которыя приходится преодолевать сначала.

К. — Но вѣдь, повторяю вамъ, при современныхъ условіяхъ вся такая дѣятельность поневолѣ сведется къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, къ вербовкѣ отдѣльныхъ личностей, и много-много къ организаціи небольшихъ рабочихъ кружковъ. Рабочія массы останутся незатронутыми пропагандой, а между тѣмъ все ваши доводы въ ея пользу предполагаютъ именно вліяніе на массу.

С. — Я не говорю, что теперь можно было бы устраивать открытыя рабочія собранія въ Москвѣ или Петербургѣ. *Пропаганда* велась бы, конечно, въ тайныхъ кружкахъ, а слѣдовательно вліяла бы лишь на небольшія группы лицъ. Но черезъ посредство этихъ лицъ ея вліяніе необходимо распространялось бы на массы. Тогда пропаганда становилась бы уже *агитаціей*. Что такая агитація возможна, — это доказывается, между прочимъ, исторіей нашихъ стачекъ. Возьмемъ хоть знаменитую стачку на фабрикѣ Морозова. Нѣсколько *отдѣльныхъ лицъ*, Волковъ, Мосѣнку и другіе, стали во главѣ *цѣлыхъ тысячъ рабочихъ*, руководя ими во всѣхъ столкновеніяхъ съ полиціей и фабричною администраціей. Владимірскаго губернатора въ особенности обижало то обстоятельство, что между тѣмъ какъ рабочіе не обращали никакого вниманія на его слова, они условно повиновались своимъ вожакамъ. Вотъ вамъ и

вліяніе на массу! Чтобы оно не осталось мимолетнымъ, Волкову и Мосѣнку нужно было лишь обобщить требованія рабочихъ, выяснить имъ общій характеръ ихъ отношеній къ хозяевамъ и правительству. А разъ зашла рѣчь объ отношеніяхъ къ этому послѣднему, то вотъ вамъ уже и поводъ для *политической агитаціи*. Желябовъ на Воронежскомъ съѣздѣ утверждалъ, что въ Россіи каждая стачка есть не столько экономическое сколько политическое событіе, потому что во всѣхъ стачкахъ рабочій больше всего терпитъ отъ полицейскихъ притѣсненій. Поддерживать рабочихъ въ такихъ случаяхъ, говорилъ онъ, значить уже вести политическую агитацію. И въ самомъ дѣлѣ. Преслѣдуемые полиціей, рабочіе не могутъ остаться глухи къ тому, что вы стали бы говорить имъ о свободѣ сходакъ, собраній, союзовъ, о неприкосновенности лица и жилища. Тотъ, кто хоть немного знаетъ русскихъ рабочихъ, знаетъ также, до какой степени глубоко врѣзывается въ ихъ умы всякая общая мысль, всякое общее положеніе, наглядно освѣщенное и подчеркнутное такими выдающимися событіями, какъ стачки и вообще столкновенія съ хозяевами и полиціей. Рабочіе уже не забываютъ ихъ, и при случаѣ сами повторяютъ, нерѣдко въ очень наивной, но тѣмъ не менѣе весьма убѣдительною для ихъ собратьевъ формѣ.

Наша такъ называемая интеллигенція убѣждена, что для нея, при настоящихъ условіяхъ, невозможно вліяніе на рабочую массу. Но въ сущности она уже повліяла на нее, такъ сказать, безъ своего вѣдома. Вы знаете какъ распространены въ народѣ предразсудки по отношенію къ „студентамъ“ т. е. къ революціонерамъ. Намъ крестьянинъ считаетъ революціонера противникомъ не только царя, но и народа. Такой взглядъ на студентовъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ распространенъ и между петербургскими рабочими. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣло измѣнилось, благодаря пропагандѣ и частію „студентовъ“ въ петербургскихъ стачкахъ. Въ 1878 году былъ такой фактъ: рабочіе одной небольшой фабрики за Нарвской заставой отправили делегатовъ на другую фабрику съ просьбой найти „студентовъ“, котоуые имъ нужны, потому что ихъ притѣсняетъ хо-

зяинъ и они хотятъ сдѣлать стачку. Такимъ образомъ, рабочая масса, не переставая видѣть въ студентахъ враговъ царя, стала въ то же время видѣть въ нихъ лучшихъ защитниковъ ея собственнаго дѣла. На судѣ по поводу стачки на фабрикѣ Морозова выяснилось, что рабочіе называли одного изъ своихъ вожаковъ „студентомъ“; на вопросъ предсѣдателя, почему они дали ему такую кличку, подсудимые отвѣчали: „очень ужъ уменъ и за насъ стоитъ крѣпко“. Мнѣ кажется, что подобные факты не подтверждаютъ мысли о невозможности вліянія интеллигенціи на рабочую массу. Если бы у насъ началось какое нибудь политическое движеніе, то рабочіе морозовской фабрики, вѣроятно, откликнулись бы на призывъ „студентовъ“, которые, по ихъ мнѣнію, очень умны и „крѣпко стоятъ за нихъ“. А какія личности вырабатываются теперь въ рабочей средѣ, представляющей нашей интеллигенціи средою тѣмы, забитости и невѣжества, также показала выше-названная стачка. Если бы я не зналъ, что передо мной стоитъ рабочій, ежедневно проводящій 15 часовъ у ткацкаго станка, говоритъ объ одномъ изъ подсудимыхъ корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ, то по разумности его отвѣтовъ, по языку и по манерамъ я, навѣрное, принялъ бы его за интеллигентнаго человѣка. Названный корреспондентъ съ удивленіемъ констатировалъ появленіе у насъ совершенно новаго типа *интеллигентнаго рабочаго*. Появленію этого типа не мало способствовала наша интеллигенція, способствовала не смотря на то, что у нея никогда не было правильного взгляда на дѣло пропаганды среди рабочихъ. Проникнутые народническими предразсудками, наши революціонеры обыкновенно увѣряли рабочихъ (когда снисходили до того, чтобы увѣрять ихъ въ чемъ нибудь), что рабочій классъ не имѣетъ въ Россіи ни малѣйшаго значенія, что у насъ главное — крестьянинъ, что крестьянская жизнь совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, между тѣмъ какъ рабочій возвращенъ до мозга костей, словомъ, что лучше всего было бы, если бы у насъ совсѣмъ не было рабочихъ. Это называлось пропагандой, на такую-то пропаганду революціонеры другихъ фракцій ссылаются въ своихъ спорахъ съ со-

ціаль-демократами, говоря, что еще до появленія этихъ послѣднихъ у насъ было обращено надлежащее вниманіе на городскихъ рабочихъ. Но и эта *пропаганда рабочимъ противъ рабочихъ* принесла, какъ видите, блестящіе плоды. Жизнь скоро устраняла предразсудки, привитые рабочимъ народниками. Разъ затронутый пропагандой, рабочій самъ додумывался до программы, соответствующей его классовому положенію. Тутъ происходили иногда удивительно комичные *qui-pro-quo*: революціонеры оказывались въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Когда образовался „Сѣверно-русскій Рабочій Союзъ“, то общество „Земля и Воля“ съ ужасомъ увидѣло въ его программѣ требованіе *политической свободы*, и въ одномъ изъ номеровъ своего журнала прочитало имъ нотацию за ихъ будто бы буржуазныя стремленія. Въ 5-мъ № этого журнала былъ помѣщенъ отвѣтъ рабочихъ, гдѣ они говорили, что они „не деревенскіе Сисойки“, что рабочее движеніе безъ политической свободы невозможно, и что политическія права должны служить рабочимъ средствомъ для достиженія ихъ экономическихъ цѣлей. Какъ видите, исторія курицы, высидѣвшей утятъ видоизмѣнилась здѣсь въ томъ смыслѣ, что утята оказались разумными существами, ласково увѣрившими свою маменьку, что въ плаваніи по политическому морю для нихъ нѣтъ никакой опасности. Маменька долго не вѣрила утятамъ, а теперь, позабывши, какъ было дѣло, эта легкомысленная птица настойчиво утверждаетъ, что утята вовсе неспособны къ плаванію. Подумайте, къ какимъ результатамъ привела бы разумная, систематическая пропаганда, которая не уничтожала бы классоваго сознанія рабочихъ, а напротивъ показала бы имъ, что рабочій классъ есть „тотъ камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“!

К. — Нѣтъ, батюшка, вы несправимы. Я вижу, что сколько ни споръ съ вами, вы все-таки останетесь врагомъ конституціоннаго движенія.

С. — Изъ сказаннаго мною совсѣмъ нельзя сдѣлать подобнаго вывода. Вы должны были видѣть, напротивъ, что я *конституціоналистъ*, только на особый, *социали-*

стическій манеръ. По моему мнѣнію, борьба за политическую свободу должна быть первымъ фазисомъ рабочаго движенія въ Россіи.

К. — А мы всё должны превратиться въ пропагандистовъ и нести на фабрики „Хитрую механику“, брошюру Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ?“ и книгу Аксельрода „Рабочее движеніе и социальная демократія“?

С. — Пожалуйста, не приписывайте намъ такихъ взглядовъ, которые никому изъ насъ никогда не приходили въ голову. Русское самодержавіе представляетъ собою такое уродливое явленіе, такой чудовищный анахронизмъ, что я не удивился бы, если бы даже въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, между высокопревосходительными и другими „значительными лицами“, нашлись люди, не чуждые конституціонныхъ стремленій. Можно даже съ увѣренностью сказать, что такіе люди существуютъ: катковско-побѣдоносцевская шайка навѣрное и тамъ успѣла нажить себѣ горячихъ противниковъ. Но какой же сумасшедшій будетъ совѣтовать этимъ „высокопоставленнымъ“ конституціоналистамъ распространять между рабочими запрещенныя книжки? Точно также далека отъ насъ мысль о пропагандистахъ изъ среды земскихъ и думскихъ дѣятелей и тому подобныхъ лицъ, что называется, съ положеніемъ. Я говорилъ о революціонерахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, о тѣхъ разночинцахъ-пролетаріяхъ, которые въ семидесятыхъ годахъ ходили въ народъ, пополняли собою ряды „бунтарей“ и террористовъ. Они должны идти въ рабочую среду, потому что это ихъ дѣло и потому что у нихъ нѣтъ другаго, болѣе плодотворнаго дѣла въ настоящее время. Нетрудно представить себѣ какую комическую роль пришлось бы играть нашему „революционеру-разночинцу“ въ гостинныхъ нашихъ чиновныхъ конституціоналистовъ, которые, впрочемъ, навѣрное не захотѣли бы имѣть съ нимъ никакихъ политическихъ сношеній. Точно также можно съ увѣренностью сказать, что онъ не имѣлъ бы успѣха и въ „обществѣ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Много-много, если бы онъ встрѣтилъ тамъ покровительственно-нисходительное отношеніе, какъ человѣкъ, правда, слишкомъ

горячій и „красный“, но за то очень преданный дѣлу и честный. Вообще, если бы нашъ разночинецъ-революціонеръ дѣйствительно взялся за пропаганду въ обществѣ, о которой онъ теперь такъ сильно поговариваетъ, то онъ частью очутился бы въ положеніи лермонтовскихъ молодыхъ людей, вздыхавшихъ объ аристократическихъ гостинныхъ, куда ихъ, по выраженію Лермонтова, не пускали; частью же долженъ былъ бы убѣдиться въ полной безполезности принятой имъ роли. Что новаго сказалъ бы онъ этому обществу? Что наше правительство никуда не годится? Это давно уже всё знали, а въ настоящее время, вѣроятно, знаетъ уже и само правительство. Или, можетъ быть, онъ сообщилъ бы своимъ слушателямъ ту новую мысль, что отъ полпцейскаго произвола много терпитъ русской обыватель? Или онъ сталъ бы доказывать преимущество представительства правленія? Но какой же образованный человѣкъ въ Россіи не знаетъ этихъ преимуществъ? Наши университеты ежегодно выпускаютъ сотни молодыхъ людей, которые, подъ страхомъ полученія единицы, должны были изучить всё прелести „правоваго государства“. Наша бѣда, то есть, бѣда всѣхъ противниковъ абсолютизма заключается не въ томъ, что мы не знаемъ преимуществъ конституціоннаго режима, а въ томъ, что мы никакъ не можемъ его добиться: видить око, да зубъ нейметъ. И пособить этому горю можно только однимъ путемъ: измѣняя соотношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ пользу политической свободы. Но я уже говорилъ вамъ, что для такого измѣненія необходимо содѣйствіе рабочаго класса.

К. — Итакъ, мы договорились теперь, если я не ошибаюсь, вотъ до чего: общество безсильно въ борьбѣ противъ правительства. Всѣ наши надежды должны основываться на рабочихъ. Поэтому, бесполезна всякая агитація въ обществѣ. Мы должны оставить всякую мысль о самостоятельномъ движеніи съ нашей стороны, и просить нашу революціонную молодежь, какъ можно скорѣе подготовить рабочихъ для борьбы съ абсолютизмомъ. Если она послушаетъ насъ, то дѣло политической свободы будетъ выиграно, если же нѣтъ, — то абсолютизмъ останется непобѣдимымъ.

С. — Я вовсе не думаю, что судьба Россіи находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ молодыхъ людей. Я знаю, что всѣ общественныя условія, все то, что называется обыкновенно силою вещей, направляется у насъ теперь противъ абсолютизма. Совершенно независимо отъ воздѣйствія интеллигенціи, совершается разложеніе нашихъ старыхъ экономическихъ порядковъ, увеличивается численность рабочаго класса и постепенно зрѣетъ его сознание. Мало того, недовольство существующимъ порядкомъ накопится даже въ темной крестьянской массѣ, число столкновеній крестьянъ съ властями возрастаетъ и несомнѣнно будетъ возрастать съ каждымъ годомъ. Все это расшатываетъ абсолютизмъ и пророчитъ ему близкую гибель. Его нѣсенка слѣтъ во всякомъ случаѣ. Но поскольку рѣчь идетъ не о слѣпой силѣ вещей и обстоятельствъ, а о сознательномъ вліяніи личностей на исторію своей страны, по стольку все сказанное мною остается непровержимымъ и неоспоримымъ. Точно также я вовсе не считаю бесполезной борьбу высшихъ и среднихъ классовъ противъ правительства, я первый привѣтствовалъ бы начало такой борьбы, потому что я понимаю все ея *возможное значеніе*. Но я говорю, что это *возможное* значеніе не станетъ *дѣйствительнымъ* до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ движеніемъ въ обществѣ не начнетъ движеніе въ рабочей средѣ, и я приглашаю нашу революционную молодежь содѣйствовать этому послѣднему движенію. Я говорю ей, что только въ рабочей средѣ она найдетъ плодотворную почву для своей дѣятельности, что пробуждая сознание рабочаго класса, она будетъ способствовать не только освобожденію этого класса, но и всѣхъ другихъ прогрессивныхъ классовъ въ Россіи. А разъ выступитъ наша молодежь на путь пропаганды среди рабочихъ, хотя бы во имя интересовъ конституціи, она немедленно сама увидитъ, какова должна быть эта пропаганда. Она пойметъ, что нельзя изображать рабочимъ конституціонный порядокъ, какъ послѣднюю ступень общественнаго развитія. Она на дѣлѣ столкнется съ вопросомъ о современныхъ отношеніяхъ труда къ капиталу, и станетъ организовывать рабочихъ для борьбы съ абсолютизмомъ, ни на мину-

ту не забывая выяснять имъ враждебную противоположность ихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, какъ выражаются Марксъ и Энгельсъ въ своемъ Коммунистическомъ Манифестѣ. Однимъ словомъ, пусть только идутъ наши революціонеры къ рабочимъ, *сама жизнь содѣлаетъ ихъ социаль-демократами*. Русскіе революціонеры никогда не закрывали глазъ на социальный вопросъ, но какъ я сказалъ, они смотрѣли на него скорѣе съ точки зрѣнія мелкой буржуазіи, чѣмъ пролетаріата. Этому не мало способствовала принятая ими тактика борьбы. При агитаціи въ крестьянской средѣ не только можно, но и вполне естественно было сохранять мелко-буржуазныя взгляды на общественные вопросы. Точно также террористическая борьба, начатая помимо всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, при всемъ своемъ героизмѣ, не могла способствовать выясненію взглядовъ русскихъ революціонеровъ. Но лишь только центръ тяжести всего движенія перенесется въ рабочую среду, — интересы пролетаріата по необходимости станутъ главнымъ, или вѣрнѣе, единственнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ всякихъ программъ и ученій. Тогда впервые начнется настоящее, широкое социалистическое движеніе на Руси, и тогда, повѣрьте, не долго продержится русскій абсолютизмъ! Рабочій Петръ Алексѣевъ не даромъ говорилъ въ своей рѣчи передъ особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, что „когда поднимется мускулистая рука рабочаго, то окруженное солдатскими штыками зданіе абсолютизма разлетится въ прахъ!“

Симплициссимумъ